СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

РАЗГОВОРЪ СЪ ПАМЯТЬЮ

ЧИСЛА - ПАРИЖЪ
1935

СОФІЯ ПРЕГЕЛЬ

РАЗГОВОРЪ СЪ ПАМЯТЬЮ

ЧИСЛА - ПАРИЖЪ
1935

I.

Лѣпились домики, похожіе на скалы,
И городъ былъ коричневый утесъ.
Соборъ главу надъ крышами вознесъ,
Бѣлье на площади старуха полоскала.

Вставало утро пламенной стѣной,
Отъ вѣтра разукрашено и сухо.
За стеклами сіяющей мясной
Жужжала разъярившаяся муха,

И улица походкой старика
Съ горы спускалась медленно и криво.
Подъ солнцемъ выцвѣтали такъ лѣниво
Небесные тяжелые шелка.

И пахло бочкой кислое вино
И погреба прохладой темнокрасной,
И не было поспѣшности напрасной,
Но каждый зналъ, что каждому дано
Лишь то, что осязаемо и ясно
И до конца въ себѣ завершено.

1934.

Притихъ базара гулкій улей,
Усталъ отъ крика и жары.
Надъ мѣдно-желтою кастрюлей
Остановилися пары.

Изсохла хлѣбная лепешка
Въ іюльскомъ воздухѣ густомъ,
И распластавшаяся кошка
Виляла медленнымъ хвостомъ.

Цвѣты и зелень никли вяло,
И былъ такой горячій свѣтъ,
Такое солнце осѣняло,
Что даже розовый мѣняла
Дремалъ надъ горкою монетъ.

Но если радостно отъ крика,
Отъ полицейскаго свистка,
Отъ ароматовъ чеснока,
Шафрана, перца и гвоздики,

Отъ грушъ и персиковъ нарядныхъ,
Отъ сочныхъ выкриковъ и словъ,
Отъ пыльныхъ листьевъ виноградныхъ
И даже отъ большихъ головъ,
Головъ капусты безотрадныхъ!

Одной рукой подбрасывая щетку,
Чистильщикъ лоскъ наводитъ на сапогъ.
Отплясываетъ улица чечётку,
Дрожитъ асфальтъ отъ бѣсноватыхъ ногъ.

Звоночки темнокраснаго трамвая
Догнали стадо блѣдное овецъ.
Торгуется, кого-то зазывая,
Небритый и настойчивый купецъ,

Рычитъ слова, надсаживая глотку, —
Иду на зовъ въ душистый полумракъ,
Беру халву, анисовую водку,
Нанизанную рыбу и табакъ.

И подъ конецъ, когда темно отъ свѣта,
Но все еще, блуждая, ищетъ взоръ,
Я мелкой и незначущей монетой
Плачу за пламя яростнаго лѣта,
За медленно сжигающій ликеръ.

1933.

Ползетъ трава и стелется кочевье,
И пустота захватываетъ духъ.
Здѣсь тишина и медленный пастухъ,
Отъ вѣтра однобокія деревья,

Румяныхъ виноградниковъ пятно,
Платаны у скалистаго подножья.
На землю Ханаанскую похоже
Овечье длинношерстое руно.

Пройду деревню, отдохнувъ слегка
У каменнаго зябкаго колодца.
Увижу: вотъ кружатся облака,
Вотъ небо розоватой струйкой льется,
Вотъ лошадь пьетъ и ширятся бока.

Объяли городъ солнце и жара
И облака пронзительно алѣли,
И на скамейкѣ съ самаго утра
Дремалъ толстякъ въ коричневой фланели.

Подмигивалъ далекій горизонтъ,
Въ порту опять качались яхты чинно,
И прятала цвѣточница подъ зонтъ
Глубокія столѣтнія морщины.

Опять катился бѣлый водопадъ
Съ небеснаго пылающего склона,
И двое въ трескъ и шумъ оркестріона
Слова любви бросали невпопадъ.

Крупной солью посыпанный густо
Рыбный супъ въ невысокомъ котлѣ,
И желтѣющій панцырь лангусты
На покрытомъ бумагой столѣ,

И на вывѣскѣ рогъ и дельфины,
И надъ входомъ навѣса рядно.
На сверкающей стойкѣ графины
Ароматное прячутъ вино.

Въ окна плещется вечеръ соленый
И прибоя настойчивый зыкъ.
Городъ сжался, свернулся, поникъ,
Въ переулкѣ движенье и стоны,
И въ ругательство имя Мадонны
Заплетаетъ невѣрный языкъ.

Кивали фиги и маслины,
Слѣпили солнце и песокъ,
Въ сосудѣ изъ прохладной глины
Качался виноградный сокъ.

Дорога бѣлая вздремнула,
Еще былъ день не позабытъ,
Но стихли бубенцы у мула
Подъ приглушенный стукъ копытъ.

А наверху, на крышѣ плоской,
Высокій женскій голосъ пѣлъ.
Къ водѣ спѣшили водоноски,
И пьяной жидкостью Самосской
Закатъ на небѣ пламенѣлъ.

Ты въ порту, гдѣ лебедкой ухалъ
Пароходъ на разсвѣтѣ пустомъ,
Различала, какъ лошадь муху
Отгоняетъ пушистымъ хвостомъ.

Ты скользила по солнечной глади,
Ты закатную слушала мѣдь,
Ты любовно хотѣла бы гладить
На телѣгахъ тяжелыя клади
И базарную пеструю снѣдь.

Въ этой улицѣ полуодѣтой,
Среди топота и тѣсноты,
Въ этомъ городѣ музъ и поэтовъ
Не понять, гдѣ кончается лѣто,
Гдѣ въ лучахъ начинаешься ты.

1934.

Былъ выдохъ трубъ такой короткій,
Пшеницей пѣнились возы,
Покачивались въ низкой лодкѣ
Оливковые арбузы.

Ползли тюки въ движеньи грузномъ
И подымалась цѣпь дрожа,
И въ мясѣ розовомъ, арбузномъ
Трещало лезвіе ножа.

И пахло пылью и помоломъ,
И надвигалась тишина,
И міръ кончался здѣсь, за моломъ,
Гдѣ моря синяя стѣна.

Отъ вѣжливой пароходной прислуги,
Отъ настойчивой, пьяной сирены,
Отъ нѣжной рыбы севрюги,
Покрытой струганнымъ хрѣномъ,

Отъ улыбки въ горячемъ сіяніи,
Отъ стекла пронзительно яснаго,
Отъ рояля въ каютъ-компаніи
И большого буфета краснаго,

Отъ стакановъ на жилистомъ мраморѣ,
Отъ прекраснаго, крѣпкаго голода,
Отъ собаки, что уши развѣсила
И сердито нюхаетъ свѣтъ —

Было такъ непростительно весело
И безпечно и буйственно молодо,
Какъ бываетъ только на морѣ
Въ незаконченный, легкій разсвѣтъ.

Разговорчивый старый возница,
Экипажъ подымающій въ гору.
Только степь, только травы и норы
И кирпичная, смуглая жница.

Шорохъ ногъ и бряцанье мониста
И ввыси облака табунами,
И бѣгущая тѣнью за нами
Смоляная, пахучая пристань.

Дальше городъ, что ввѣкъ не проспится,
Гдѣ отъ солнца дома холстяные
И покрышка изъ черепицы,
Гдѣ столбы, какъ вязальныя спицы,
А на нихъ воробьи шерстяные,
Неподвижныя, круглыя птицы.

До сожженнаго солнцемъ одра,
До степей, пробѣгающихъ мимо,
До соленаго знойнаго Крыма
Протянулась дороги чадра.

Протянулась до сонной деревни,
Гдѣ на площади плачетъ вода,
Гдѣ чабанъ остроглазый и древній
На Ай-Петри гоняетъ стада,

До дворца, до китайскихъ бесѣдокъ,
Кипарисовъ на темной горѣ,
До луча на рыбачьей зарѣ,
До шашлы, что пьянитъ напослѣдокъ
И сердца веселитъ въ сентябрѣ.

На крымской набережной лѣто,
Цикадъ и мушекъ разговоръ
И провѣряющій билеты
Въ татарской шапкѣ контролеръ.

Въ тѣни — гостиницы и дачи,
На поплавкѣ — вино и пловъ.
Торжественно баркасъ рыбачій
Выходитъ въ море на уловъ.

Поетъ опять прибой сонливый
На маленькіе голоса,
Отражена купальня криво,
И въ чашѣ темнаго залива
Цвѣтутъ большіе паруса.

Взмахнула память спутанною гривою
И по откосу быстро понесла,
Какъ будто я та дѣвочка счастливая,
Какъ будто я и маленькой была.

Дразнила кошекъ и собакъ лохматила,
Считала лѣсомъ каждый чахлый садъ
И изъ копилки тайно деньги тратила
На темнобурый, горькій шоколадъ.

И мнѣ являлись феи какъ ровесницы,
И не пугало вѣдьмы помело,
И, кромѣ запрещенной черной лѣстницы,
Все было ясно, просто и свѣтло.

Воспоминанія вѣнкомъ огромнымъ вяжутся
И воздухъ дѣтства благостенъ и святъ,
Но какъ словами взрослыми разскажутся
Свирѣпый волкъ и семеро козлятъ?

1931.

Снова въ дѣтство бреду наудачу,
Вижу легкій и лѣтній загаръ,
Голубую приморскую дачу
И подстриженный тощій бульваръ.

Только утра неровный румянецъ
Кособокій ловилъ самоваръ,
У зеленыхъ воротъ итальянецъ
Свой раскладывалъ пестрый товаръ.

Прямо въ небо жужжащія мушки
Изливали побѣду и гнѣвъ,
И хрустящія крѣпкія сушки
Ярославецъ хвалилъ нараспѣвъ.

Разстилалося лѣто досугомъ,
И деревьямъ и солнцу сродни, —
И хоть были очерчены кругомъ
Наши малые дѣтскіе дни,

Хоть сосѣдскій заборъ былъ высокъ
И сердился беззубый садовникъ,
Былъ ворованный сладокъ крыжовникъ,
Красилъ пальцы орѣховый сокъ.

Косая дверь съ огромнѣйшимъ замкомъ,
Подъ стѣнкой столъ, некрашенный и узкій,
Сѣдая няня, теплый чай въ прикуску
Изъ чайника съ блестящимъ ободкомъ.

Кухарки заунывные романсы,
Шипучій жаръ отъ кафельной плиты,
На чашкѣ изъ тяжелаго фаянса
Гирляндами веселые цвѣты.

И желтый сахаръ на молочномъ блюдцѣ,
И ситный хлѣбъ, посыпанный мукой,
И ледъ стекла. Пылающей щекой
Сперва къ нему такъ страшно прикоснуться.

Увидѣть дворъ и дымную трубу,
Слѣдить, какъ день на темной крышѣ тухнетъ.
Колючій холодъ чувствуя на лбу,
Чужіе разговоры про судьбу
За сундукомъ подслушивать на кухнѣ.

Надымила свѣча и погасла,
И въ разсвѣтъ принесли невзрачный
На подносѣ янтарное масло
И яйцо въ скорлупѣ прозрачной.

Сквозь прямые мѣдные прутья
Занавѣской день улыбнулся,
И была постель на распутьи,
И серебряный столбикъ ртути
До болѣзни не дотянулся.

Городъ дѣтства: блаженная грусть
Этихъ улицъ мнѣ такъ знакома,
Отъ гимназіи и до дома
Знаю вывѣски всѣ наизусть.

Помню ранца стукъ на бѣгу,
Молоко въ плетеной корзинкѣ.
На скалистомъ, зломъ берегу
Ищетъ сердце дѣтства тропинки.

Всѣ начала и всѣ концы,
Все наличье счастья земного —
Городъ дѣтства, весна, скворцы,
Даже блѣдные леденцы,
Что краснѣютъ въ памяти снова!

Былъ щелкнувшій въ испугѣ ридикюль
И бонны рыжеватая завивка,
Разсохшійся и пламенный іюль
И дважды въ день мудреная поливка.

Была воды свистящая пила,
И на закатѣ, послѣ пререканій,
Мороженое въ треснувшемъ стаканѣ
И красящая губы пастила,

Восточной лавки пыльный полумракъ
И виноградъ ползучій на балконѣ
И на аллеѣ съ дыркою гамакъ,
И былъ большой линяющій пятакъ
Въ коричневой и маленькой ладони.

Гонитъ вѣтеръ колючій и свѣжій
Тучи пыли къ прохладной рѣкѣ.
Я сегодня ни свой, ни пріѣзжій
Въ этомъ праздномъ, пустомъ городкѣ,

Гдѣ дома до смѣшного неравны:
Этотъ зрячій, а рядомъ слѣпой,
Гдѣ подростки по улицѣ главной
Пробѣгаютъ нестройной толпой,

Гдѣ поклономъ плачу за поклоны,
Каждый взглядъ — настоявшійся клей,
И вбираю душой утомленной
И гимназіи бѣлой колонны
И прохладу широкихъ аллей.

Узоръ обоевъ вылинялъ слегка
И потолокъ висѣлъ крутой и голый.
Текла болѣзни сонная рѣка.
Чернѣли важно обшлага и полы
Застегнутаго наспѣхъ сюртука,

Слоился дымъ въ опущенныхъ усахъ,
За стеклами глаза мерцали мелко,
Секундами пощелкивала стрѣлка
На выпуклыхъ серебряныхъ часахъ.

Шаги домашнихъ были такъ легки,
Скрипѣла дверь разстроенною скрипкой,
А онъ стучалъ одной рукой негибкой
О старческій суставъ другой руки.

Тогда казалось: нынѣ и навѣки
Въ окнѣ деревьевъ мерзлые штыки,
Горячій лобъ, расплавленныя вѣки...
Въ тѣ времена лѣкарства изъ аптеки
Бумажные носили колпаки.

1933.

Гудитъ толпа на галлереѣ,
Гремятъ въ оркестрѣ трубачи.
Внизу — въ оранжевыхъ ливреяхъ
Сгрудившіеся циркачи.

Сѣдой затянутый директоръ
Сердито хлопаетъ бичомъ,
И рыщетъ пламеннымъ лучомъ
Огромный солнечный прожекторъ.

И пятна свѣта какъ медузы
Ложатся на цвѣтной коверъ.
И снова тигра круглый взоръ
И укротителя рейтузы.

И съ дѣтства памятно-живой,
Звенящій о желѣзо клѣтки,
Всегда волнующій и ѣдкій
Кружится воздухъ цирковой.

Въ тѣнистомъ городскомъ саду
Дубы стояли въ три обхвата,
Сквозной чугунъ замысловатый
Небесъ прорѣзывалъ слюду.

Тамъ были розы, резеда,
Закатъ, начищенный до лоска,
Собака старая съ поноской,
Фонтана блеклая вода.

И прячетъ память навсегда
Аллею, вьющуюся плоско
Отъ лимонаднаго кіоска
До темносиняго пруда.

Деревянные есть и пѣвучіе,
Гдѣ подъ сваями свѣтитъ вода.
Есть мосты отъ желѣза гремучіе,
По которымъ свистятъ поѣзда.

И такіе, что въ тучахъ скрываются,
Гдѣ не видно дороги хвостовъ,
Гдѣ въ обрывы рѣшетка срывается.
Говорятъ, что любовь забывается,
Если семь переѣхать мостовъ!

Отъ легкаго толчка проснуться
И все вобрать въ себя нежданно:
Узоры скатерти и блюдце,
Наклейки плоскихъ чемодановъ,

Пальто, чудовищемъ безрукимъ
На темной вѣшалкѣ опавшее,
Звонки и корридора звуки,
На стѣнкѣ солнце засіявшее.

И зеркало съ досадной трещиной,
Что тонкой пылью покрывается
И все, что въ полуснѣ обѣщано
И только чудомъ не сбывается,

Но отъ чего слабѣютъ скрѣпы
И ходишь будто именинница
Подъ утро въ городѣ нелѣпомъ,
Въ прохладномъ номерѣ гостиницы.

1934.

Промокшій парусъ рѣялъ сыро,
Внѣдряясь въ утреннюю мглу.
Мы покупали сувениры
Въ прохладной лавкѣ на углу.

Мы ѣли мясо въ ресторанѣ
Съ томатами и въ чеснокѣ.
Стекалъ пахучій жиръ бараній
По растопыренной рукѣ,
Намъ красный перецъ нёбо ранилъ, —

И влажный день на поплавкѣ
Безъ мыслей длился и стараній.

Телеграфныя черныя вилки
Преисполнены тихимъ жужжаньемъ.
Какъ всегда, надъ бездумнымъ вязаньемъ
Дряхлыхъ рукъ замираютъ прожилки.

Спицы падаютъ вяло и рѣдко,
По старушечьи выпуклы вены,
И смѣшна синевой довоенной
Изъ англійскаго драпа жакетка.

На раздвинутомъ стулѣ нескладномъ,
То моргая при солнечномъ свѣтѣ,
То губу поджимая парадно,
Ты сидишь въ этомъ паркѣ прохладномъ,
Гдѣ фонтанъ, гувернантки и дѣти.

Полной грудью дышать. Улыбнуться,
Бѣлыхъ тучекъ примѣтивъ полетъ
И въ тяжеломъ надтреснутомъ блюдцѣ
Золотой и мерцающій медъ,
Эти крошки на скатерти чайной,
Что въ разводахъ и въ клѣткахъ большихъ,
Эти горы, что стынутъ безкрайно,
И родившійся здѣсь не случайный,
Горькимъ медомъ напитанный стихъ.

1934.

Слова тревогу умножали,
И въ пальцахъ холодокъ возникъ.
Намъ подавали на кинжалѣ
Слегка наперченный шашлыкъ.

И колыхался воздухъ вязкій
И острыхъ запаховъ волна.
И были счастье и зурна
И вяленыхъ кефалей вязки.

Въ ту ночь я погребокъ кавказскій
Глотками выпила до дна.

Квартиры тѣневая тишина
И телефонъ молчанью обреченный.
Проснуться и понять, что я одна,
Что день во мнѣ спокойный и зеленый,

Что можно жизнь опять потокомъ словъ
Привѣтствовать пѣвуче и пространно
И завтракать за стойкой ресторана,
Гдѣ блузы темносинихъ маляровъ.

Открыть окно и слушать полдень четкій,
Автомобилей длительный разладъ,
Мотивъ одинъ пѣть двадцать разъ подрядъ
И покупать на ярмаркѣ трещотки
И пахнущій мышами шоколадъ.

По набережной длинной и холодной
Брести опять, не подымая вѣкъ,
Ни для кого и ни за чѣмъ, — свободной.
И видѣть, какъ въ рѣкѣ полубезводной
Упрямо удитъ скучный человѣкъ.

1933.

Поѣзда выростали изъ мрака,
За гудками гонялся свистокъ.
Я смотрѣла, какъ дѣти изъ бака
Синеватый берутъ кипятокъ.

Изъ печали, волненій и страха
Былъ вокзальный мірокъ сотворенъ.
Отражала носильщика бляха
Опустѣвшій и мокрый перронъ.

Угольки вылетали изъ пара
И въ движеньи свѣтились едва,
Былъ не къ мѣсту фонарь сухопарый,
И совсѣмъ не давались слова, —
И томила молчанія кара.

На лѣстницѣ испуганная кошка,
Угрюмый ощетинившiйся звѣрь,
Потертая ковровая дорожка
И войлокомъ обтянутая дверь.

За этой дверью было все знакомо —
И коридора розовый раструбъ,
И вѣшалка подъ грузомъ жаркихъ шубъ,
И печки набухающая дрема.

Тамъ по иному жить бы не могли,
Тамъ было все завѣщанное свято:
Пасьянсовъ золотые короли,
Валетовъ разукрашенныя латы,
И то, какъ пыльно фикусы цвѣли ,
И какъ неслышно, въ синiй часъ заката,
На лампахъ оправляли фитили.

Хрустальный звонъ надъ головой,
Подвѣски умираютъ длинно
Въ атласномъ воздухѣ гостиной,
Стеклярусной и неживой.

И профиль въ зеркалѣ любомъ
До странности и чуждъ и четокъ.
Дагерротипъ забытыхъ тетокъ
Скрываетъ замшевый альбомъ,

Проборъ, прическу безъ затѣй,
На тюлѣ флердоранжа вѣтку,
Въ шотландскую, большую клѣтку
Смѣшныя платья у дѣтей,

И тонкихъ лицъ оваль нехмурый
И взглядъ, гдѣ скромность хороша.
Онѣ любили не спѣша,
Носили фижмы и турнюры.

Такъ въ столовой, наединѣ,
Въ отчужденности и бездумьи
О далекой читать войнѣ
И о томъ, кто сегодня умеръ,

Собирая тысячи бѣдъ,
Чтобы совѣсть стонала туго,
Чтобы ей свистѣла вослѣдъ
Типографская, страшная вьюга,
Чтобъ шуршала метлой прислуга
И за стѣнкой ходилъ сосѣдъ.

Стало въ улицахъ дымно и пусто,
Не зажгли еще свѣтъ за окномъ.
Продавала торговка капусту
Въ потемнѣвшемъ ведрѣ жестяномъ.

Талый ледъ подъ перилами булькалъ,
На мостахъ выростали горбы.
На ходу обломала сосульку
У кривой водосточной трубы.

Тонкій ледъ не мгновенно растаялъ,
Но на жаркой ладони размякъ.
Былъ закатъ, голубиная стая,
На извозчикѣ въ складку армякъ,

Старый пудель на лапахъ ученыхъ,
Запахъ дыма, что такъ домовитъ,
И скрипѣнье воротъ огорченныхъ
И такое желанье въ крови
Все имѣть: отъ великой любви
До желтѣющихъ яблокъ моченыхъ.

1932.

Опросили взглядомъ другъ друга
И неловко вошли и стыдливо
Подъ усмѣшку рыжей прислуги
И хозяйки шопотъ слезливый.

Зазвенѣлъ колокольчикъ недлинно,
Было въ стеклахъ заката пламя,
На окошкѣ котъ круглоспинный
Съ удивительными глазами,
И гостиная подъ чехлами,
Вся пропахшая нафталиномъ.

Безпокойно сосѣдъ коренастый
Подпѣвалъ и качался легко,
А по сценѣ метались гимнасты
Въ полинявшемъ лиловомъ трико.

На непрочныхъ садовыхъ подмосткахъ
Пѣлъ бояринъ въ несвѣжей парчѣ,
И дѣвицы въ пылающихъ блесткахъ
Восхваляли гусаръ усачей.

А потомъ, только ночь прибывала
И луны воскресалъ аметистъ,
Становился у рампы бывалый,
Полупьяный, сѣдой куплетистъ.

Въ темныхъ вѣкахъ глаза неживые
Западали свинцомъ въ глубину...
И смолкали огни дуговые,
И склонялись фонарныя выи,
Когда жесткіе пальцы кривые,
Торопясь, обрывали струну.

Отъ шептанья злого, проникновеннаго
Собираются въ складку губы,
И въ саду опять оркестра военнаго
Разверзаются мѣдныя трубы.

И растетъ трава межъ деревьевъ сорная,
И луна встаетъ по привычкѣ,
И стучитъ по булыжнику нерессорная,
Оголтѣлая, пьяная бричка.

Здѣсь нерѣдокъ дождь барабанный и лѣтній
И омытыхъ стеколъ истома.
Здѣсь въ гостяхъ у тѣхъ же старинныхъ знакомыхъ
Все такія же старыя сплетни.

Но отсюда никѣмъ никуда не влекома
Въ каждомъ домикѣ я отъ рожденія дома,
Какъ хозяинъ его многолѣтній.

Вспомнила дыма колечки,
Голосъ, что медленъ и старъ,
Даже натопленной печки
Комнатный, ласковый жаръ,

Низенькое піанино,
Сладкихъ романсовъ хламъ,
Вышивку скатерти длинной,
Вытертой по угламъ,

Окна закрытыя плотно,
Лампы сіяющій шаръ,
Въ синихъ закатахъ полотна,
Пышный буфетъ, самоваръ, —
Все, что безповоротно,
Всей этой жизни добротной
Старческій, комнатный жаръ.

Стучится дождь незначущій и робкій,
Проноситъ рыбъ клеенчатый рыбакъ.
Въ промокшемъ домѣ тишина и мракъ,
Забытый соръ и пыльныя коробки.

Дворняги лаютъ медленно, безъ силъ,
Дрожатъ листы на лужѣ синеватой,
Давно ужъ гость звонка не теребилъ,
И вотъ вчера каштанъ прощальный сбилъ
Послѣдній дачникъ палкой суковатой!

Теплый воздухъ, зѣвокъ, дремота,
Паутины нѣжнѣйшая нить.
У калитки окликнулъ кто-то,
Теноркомъ попросилъ прикурить.

И въ огнѣ папиросы пухлой
Показались бровь и щека,
И кольцомъ сверкнула рука
И сейчасъ же во мглѣ потухла.

И пока фонарь на полянѣ
Пришепётывалъ безъ конца,
Уходили въ ночь безъ лица
Чьи-то смутныя очертанья.

1935.

Комары пролетали со звономъ,
Шелестѣли деревьевъ верхушки,
На пруду съ неживымъ грамофономъ
Состязались крикливо лягушки.

Приговаривая торопливо,
Тихій сумракъ ходилъ по долинѣ.
Намъ поставили мутное пиво
Въ ущербленной, коричневой глинѣ.

Такъ во мглу упадали непросто
Нашихъ словъ безполезныхъ опилки,
А свѣча уменьшалася ростомъ
И синѣли двузубыя вилки
На квадратикахъ скатерти пестрой.

И дача немощно и жалко
Скрипѣла изъ послѣднихъ силъ.
По вечерамъ фонарь на палкѣ
Носили, и фонарь коптилъ.

Онъ тѣнью голубой и прыткой
Качался, исчезалъ во рву,
Желѣзомъ щелкала калитка,
И круглыхъ звѣздъ большіе слитки
Проваливались въ синеву.

Не по дорогѣ безотрадной,
Гдѣ все — раздумье, тлѣнъ и мгла,
А по тропинкѣ виноградной
Хромая осень къ намъ пришла.

Пришла въ туманное безлюдье
Чрезъ огороды и сады.
Ея дары: на синемъ блюдѣ
Румяно-желтые плоды.

И ихъ безъ смѣха, безъ печали
Принявъ, воскликнешь радъ не радъ:
Какія яблонныя дали!
Какой рябиновый закатъ!

1928.

Ты все взяла, взяла по праву,
Теперь послѣднее развѣй:
Улыбку осени лукавой,
На клумбахъ росчерки бровей,

Въ травѣ слѣдокъ тропинки узкій
И астры огненный парикъ
И даже этотъ милый, русскій
Подсолнухъ, солнечный двойникъ.

Ты, дождя серебристое сѣмя,
Упадая на землю, расти!
Я сегодня душою со всѣми,
Кто встрѣчается мнѣ на пути.

Я весеннимъ размашистымъ шагомъ
Покидаю пустое жилье.
Хорошо, что качается флагомъ
На балконѣ цвѣтное бѣлье.

Хорошо, что лохмато безкостный,
Круглый песикъ шагаетъ вослѣдъ,
Что, какъ въ дѣтствѣ моемъ, трехколесный
У мальчишки велосипедъ,
Что опять, какъ въ прошедшія вёсны,
На глаза надвигаю беретъ.

Таетъ улицы дымъ папиросный,
И послѣднiй вопросъ безвопросный
Заключаетъ послѣднiй отвѣтъ.

1930.

Распѣвали весной канавки,
Былъ на сердцѣ веселый грузъ,
И приказчикъ сосѣдней лавки
Торопливо снималъ картузъ.

А въ саду зеленѣли побѣги,
Рылись куры въ потухшей золѣ,
И пищали колеса телѣги
Въ черноземной пахучей землѣ.

Заливало солнце густое
Синимъ жаромъ дворъ и траву.
Это было счастье простое —
Въ этомъ городѣ знали, кто я,
Для чего и зачѣмъ живу.

Рябило отъ солнца, отъ зелени жалкой,
Отъ этихъ деревьевъ въ бѣлесомъ пуху.
Шагала весенней походкой въ развалку
Въ своемъ невесеннемъ пальто на мѣху.

Болѣзненно было и вовсе не просто
Ходить по чужимъ и чужбиннымъ слѣдамъ,
Встрѣчать и дѣтей и собакъ длиннохвостыхъ
И въ набожномъ траурѣ старенькихъ дамъ.

И думать о жизни, давно происшедшей,
И съ памятью долгій вести разговоръ.
Внезапнымъ рывкомъ укорачивать рѣчи,
Въ испуганныхъ встрѣчныхъ вонзивъ сума-
сшедшій,
Воспоминаньемъ напитанный взоръ.

1934.

На чугунѣ ослѣпшихъ фонарей
Голодныхъ птицъ взъерошенная стая.
Приходитъ мгла изъ гулкихъ пустырей.
Въ охрипшемъ паркѣ снѣгъ вчерашній стаялъ.

Кустовъ обрывки, клочьями туманъ
И дерево, грозящее перстами.
Екатерины величавый станъ,
Окутанный промокшими холстами.

Покуда капли сыплются во тьму,
Ты въ нихъ живешь до утренняго свѣта,
Но мыслью я никакъ не обойму,
Что городъ, опустѣвшій городъ этотъ,
Воздвигли по указу твоему...

Тогда еще смѣялась безъ причины,
Еще разсвѣтъ встрѣчала на рѣкѣ.
Спускалась въ трюмъ, гдѣ запахи овчины
И мѣдный чайникъ въ старческой рукѣ.

И видѣла, какъ поваръ сыплетъ просо,
Какъ таетъ сгустокъ дыма безъ слѣда,
Какъ мелко запузырилась вода
Подъ шваброй у дневальнаго матроса.

Виномъ на скатерть солнце пролилось,
Сіяла пристань у трясучихъ сходенъ,
И бабы сочно вымещали злость...
Тогда еще года бѣжали врозь,
И каждый день былъярокъ и несходенъ.

Разсвѣтъ изжеванный и вялый
За поворотомъ ускользалъ.
Въ дверяхъ молочница стояла.
Кутила возвращался съ бала
И кто-то ѣхалъ на вокзалъ.

И всѣ, идущіе за хлѣбомъ,
На землю посмотрѣвъ сперва,
Не замѣчали, что надъ небомъ
Растетъ большая синева,

Что тамъ, синѣе всѣхъ Италій,
Дневная движется корма.
И спотыкались и зѣвали,
И свѣтъ не всталъ для тѣхъ, кто спали,
Спѣша на службу и въ дома.

Пройдутъ года, событья, племена,
Стѣна въ песокъ сыпучій обратится,
Но такъ же будутъ облака и птицы
Чертить ввыси нѣмыя письмена.

И будутъ волокнистые луга
Все такъ же пѣть въ рождающемся свѣтѣ,
И только черезъ сто тысячелѣтій
На полукругъ измѣнятъ форму эти
Высокіе крутые берега.

1929.

Еще высокая трава
Хранила слѣдъ небесной влаги,
Еще не высохли слова
На разлинованной бумагѣ.

Деревья руки простирали,
И голосъ утра былъ высокъ.
Въ незатихающемъ мистралѣ
Кружились волны и песокъ.

Все притаилось и затихло,
Грядущимъ жаромъ сожжено,
И было слышно, какъ на дно,
На душу, вспаханную рыхло,
Дневное падало зерно.

II

СУББОТА

Непраздничныя громкія слова
Текучій сумракъ медленно расплавилъ,
И кто-то снялъ пушинку съ рукава
И темный галстухъ бережно поправилъ.

И въ праздничной задумчивой игрѣ
Спустился вечеръ чинно и достойно.
Скрипѣли двери, свѣчи пѣли стройно
Въ начищенномъ фамильномъ серебрѣ.

Все было такъ: и хлѣба позолота,
И эта тѣнь на бѣломъ потолкѣ,
И ароматы рыбы и компота,
И бабушка въ коричневомъ платкѣ,
Святившая грядущую субботу.

1931.

Метелкою прогнали паука,
Убрали и почистили повсюду,
Достали бѣлоснѣжную посуду
Изъ чернаго большого сундука.

Отъ лампы свѣтъ по новому сіялъ,
Напѣвъ молитвы ширился отрадно,
И вотъ вино изюмное прохладно
Прадѣдовскій наполнило бокалъ.

И былъ столовой необыченъ ликъ,
Былъ цѣлый міръ подъ сѣнію закона.
Читали вслухъ изъ пожелтѣвшихъ книгъ,
Какъ Богъ пустыни, грозный проводникъ,
Увелъ народъ изъ царства фараона.

Въ этомъ мірѣ стыда и полушекъ
Прегрѣшенья его сочтены.
Блѣденъ ротъ, оттопырены уши,
Подъ колѣномъ истерты штаны.

Это мальчикъ убогій и хворый,
Что земли до конца не постигъ,
Весь источенный мудростью Торы,
Именуемой Книгою Книгъ.

Эти руки, не къ небу-ль воздѣть ихъ?
Не къ тому-ль кто безмѣренъ и золъ?
И часами въ рѣшетокъ просвѣтѣ
Онъ мелькаетъ и смотритъ, какъ дѣти
На площадкѣ играютъ въ футболъ.

Въ грязной комнатѣ, тѣсной отъ стула
И отъ ножки дубовой стола,
Онъ сидѣлъ неподвижный, сутулый,
Бѣлымъ пухомъ покрытыя скулы,
Бороды неживая зола.

Керосиновый свѣтъ былъ несвѣтелъ
И лакали стекло язычки,
И опущенный взглядъ не замѣтилъ
Умоляющей женской руки,

Но отъ сумерекъ горестной хляби
Только ярче и праведнѣй сталъ
Въ малой комнатѣ маленькій рабби
Выросталъ, выросталъ, выросталъ.

Блѣдный человѣкъ, согнувшійся надъ Торою,
Свѣчекъ оплывающихъ гарь и синева
И на галлереѣ женщины, которыя
Плачутъ, за напѣвомъ слѣдуя едва.

И отъ пѣснопѣнья жалобнаго этого,
Отъ молитвъ, что стелятся въ пыльныхъ небе-
сахъ,
Тряская наколка свѣтитъ фіолетово
На такихъ отъ старости тусклыхъ волосахъ.

Молится старуха въ тишинѣ настоенной,
Передъ Богомъ праведна, предъ людьми пра-
ва,
И въ субботнемъ свѣтѣ, радостью удвоен-
номъ,
Отъ стѣны восточной, вѣрой успокоены
Прилетаютъ ветхія, вѣчныя слова.

Надъ мѣстечкомъ шептались платаны,
Въ прудъ упала лучей охапка.
Проходили евреи въ кафтанахъ
И тяжелыхъ бобровыхъ шапкахъ.

И въ осенней тиши обнаженной
Было праздника вѣянье свято.
Оправляли нарядныя жены
Желтый жемчугъ, неровный и мятый.

Толстый служка покрикивалъ басомъ,
Суетился старикъ убогій,
И раввинъ проплывалъ сѣдовласый,
И закатнымъ лоснился атласомъ
Немощенный дворъ синагоги.

Повозки причитанія и стоны,
Ворота раззѣвающія ротъ...
Поблекшіе, безкровные лимоны
Старуха безнадежно продаетъ.

Играетъ солнце на цвѣтной заплатѣ,
Отъ мутныхъ слезъ еще бѣднѣе взоръ,
Заношенное шелковое платье
И ниточкой желтѣющій проборъ.

И будь вся жалость до конца изъята,
Какой то тишины не побороть.
Душа виной послѣдней виновата,
Когда старухи пальцы крючковато
Лимонную ощупываютъ плоть.

1933.

Здѣсь не бываетъ ни весны, ни лѣта,
Но только грязной осени слѣды,
Но только пальцы желчнаго аскета
Въ сугробѣ желтобѣлой бороды.

Бездомный нищій, выряженный франтомъ,
Спѣшитъ къ такимъ же нищимъ на обѣдъ,
И запонки нездѣшнимъ брилліантомъ
Горятъ въ тѣни сомнительныхъ манжетъ.

А за окномъ, гдѣ солнца скудный свѣтъ,
Еще одинъ печальникъ и поэтъ
Склоняется надъ ветхимъ фоліантомъ.

Приходилъ, какъ нищій и послѣдній,
Какъ несчастья давняго залогъ.
Долго кашлялъ въ маленькой передней
И не сразу преступалъ порогъ.

Въ рыжей шляпѣ, въ старой женской шали
Приходилъ сквозь слякоть и туманъ.
Табакеркой морщился карманъ,
И концы платка его свисали.

Вечерѣло, въ переулкѣ мрачномъ
Газовые ныли фонари.
Приходилъ послѣднимъ и невзрачнымъ,
Но подъ пальцемъ скрюченно - табачнымъ
Оживали царства и цари.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

I.

II.

Складъ изданія: Домъ Книги,
9, rue de l'Eperon, Paris (6e) *и*
Petropolis-Verlag A.-G. Berlin W 15

Imprimerie E.I.R.P.
5, r. Saulnier, Paris.